

ИМАНИ
ЗЕДОНИС

РЕ-

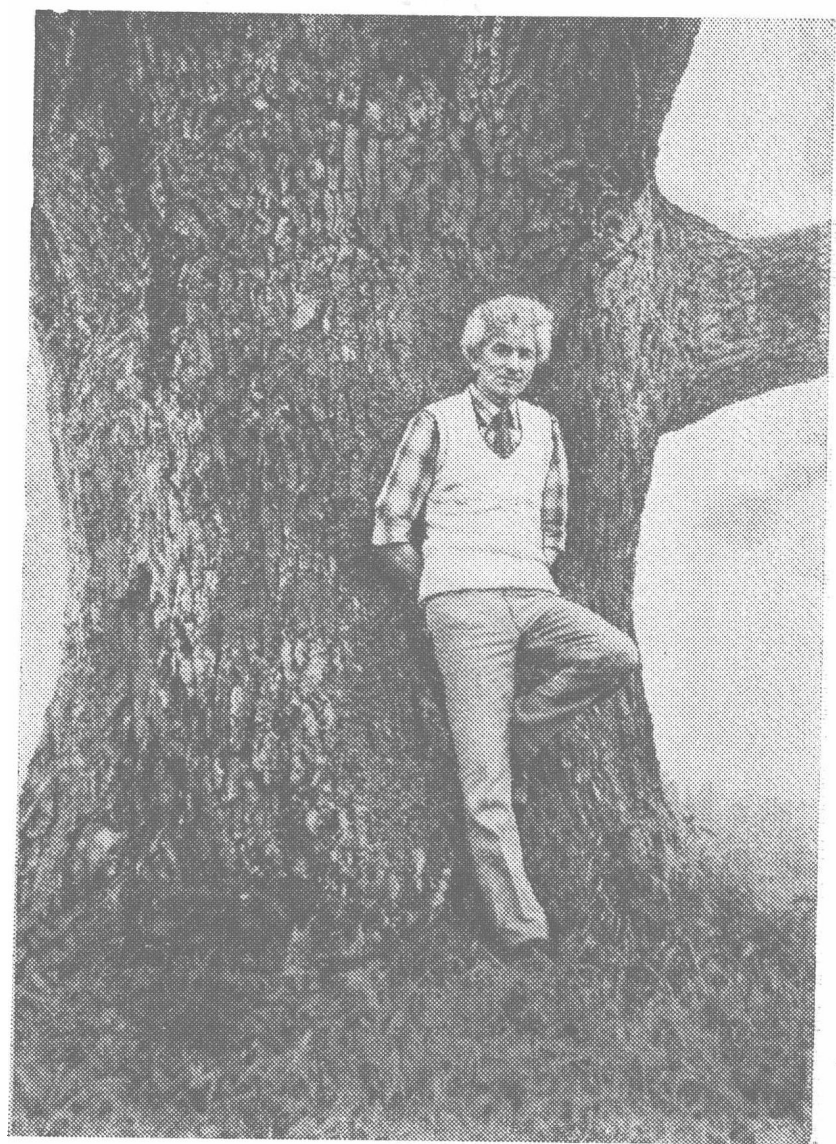
-ТАКИ

Имайт
Зисдонис

ВСЕ-

-ТАКИ

Имант
Зиедонис

ВСЕ-
ТАКИ

Перевод с латышского
Ю. АБЫЗОВА

ББК 84.Лат.7
З-59

Художник
ВЛАДИМИР ФАТЕХОВ

4702340200—224
3 320—83
083(02)—83

© Перевод на русский язык. Издательство
«Советский писатель», 1986.

Какой взять тон?

И кто же я такой в этой компании? Да, кто же я все-таки?

У меня в ту осень хорошо писались стихи. Я, допустим, вегетарианец, мяса мне не надо, человек я нервный, невротик. Уравновешенность — вот что мне нужно! Больше, чем мясо. И я ее ищу. То есть и я тоже. Как и все. Как любой из нас. Обрести равновесие — вот ради чего мы пишем. Одному это дается легче, другой в поте лица из сил выбивается. Один едет в деревню и идиллически отписывается. Ему так надо. А другому достаточно и того, что он в Дни поэзии увидел. Они с землей не связаны. Приезжают с заданием от газеты. Гости. Люди обходительные. И тоже не от земли. Писатели-деревенщики, у них внутреннее горение. И что они, лучше других? Не знаю. Но им так надо. Эрик Ханберг в деревне свой человек. Он знает землю и сверху, и снизу. И он видит, как неравномерно еще (как где!) эти два уровня стыкуются. Он их просто сцепляет средствами искусства. Он смотрит сверху вниз и показывает: «Такова жизнь. Что поделаешь». Он смотрит изнутри и дает советы. Ханберг сельский человек сверху донизу.

Андрей Дрипе, тот отчаянно кричит снизу: «Жизнь не может быть такой! Не должна быть!» Дрипе орет, будто его с работы уволили. Он орет за всех «уволенных». Ведь и алкоголик тоже «уволен» от работы, даже от жизни. И убежавшие в город деревенские парни тоже вроде как «уволенные».

Это будет книга, написанная сообща. Ведь нельзя же прикидываться, будто это ты начинаешь с начала, когда начало уже кем-то положено. Ханберг рассказывает спокойно и красиво, а Дрипе, тому больно. И никто не вступает с ним в разговоры.

В нашей стране тысяча и один Дрипе. Все время не-

сут дежурство Дрипе. И Ханберг. И Паул Путнынь. Было бы нечестно, если бы я ходил по той же самой земле и притворялся, будто никто ее не измерил. Дрипе ее исходил своей взволнованной речью, Ханберг философским складом ума. Уже проделывали это.

Это будет книга, написанная совместно с Дрипе. Потому что он больше всех хотел сделать. И, войдя во вкус, составил целый терминологический словарь сельской жизни: «молотьба языком», «передовик печального образа», «механизированный пьяница», «снулые ребята», «запечная компания», «в полную полсилу», «своеобразное бесчеловечие нашего человечества», «последний свидетель добросовестного коллективного труда». Меня не пугают подобные слова в книге Дрипе, это зеркальные слова, они всего лишь отражают, меня пугают сами эти понятия в жизни.

Все что-то пишут, все за что-то борются. Как не потерять себя в этом фрагментаризме? Фрагмент города едет на разведку. Фрагмент встречает фрагмент деревни и пишет небольшой фрагмент, печатает его в газете. Некий фрагмент читает его — тоже фрагментарно, вот и получается всего лишь фрагментарный фрагмент фрагмента. Где конец, где начало? Во что большое этот фрагмент вкомпанован?

Многие писатели и кинодокументалисты ищут в деревне обломки сельской романтики и старательно собирают их, пытаясь хотя бы в книге найти компенсацию, потому что жизнь им ее не предоставляет. Они сами расставляют акценты в действительности, чтобы она уравновешивалась в соответствии с их пониманием. В очерках Яниса Лиепица много коней, много рослых и ловких коневодов. В рассказах Ханберга жизнь уравновешивается спокойным юмором. Так нужно для его внутреннего «я». А Дрипе словно через бурелом идет. Ни мелиорации нет, ни результатов роста. Ни благодушия, ни праздничного славословия.

«Во всей наготе и прямоте предстает вопрос главного агронома: «Кто будет работать?»...»

«А что, если создавать и организовывать продуманные, внешне привлекательные и интересные комплексы мероприятий, которые могли бы конкурировать с винными полками продовольственных магазинов и соблазном бежать куда-то в поисках счастья?»...»

«А вдруг и он станет спортсменом или начнет играть

на бас-гитаре, и больше того — в плане легкой утопии — даже зайдет в библиотеку прочитать книжку...»

(А. Дрипе. Письма из колхоза)

Да, есть гитары, есть. Только...

Нет семьи! Как в народной песне поется: *«День проездил, ночь проездил, все невесту выбирал»*. А у той на уме не бас-гитара была, а чтобы *«пахарь был бы по душе»*. Нет семьи, родни, нет структуры! Только она создает ощущение надежности, столь необходимое для работы самоуважения. Для работы нужно чувство собственного достоинства!

«Проблемы села не могут никого оставить равнодушными, они и в город уже сами вторгаются, уже всеобщими проблемами стали... Даже коренные горожане, глядя на полки магазинов, вынуждены думать о деревне и о том, что там происходит...»

(Там же)

Еще задолго до продовольственных трудностей ощущались интеллектуальные трудности. Сельские школы не могут обеспечить своим выпускникам уровень знаний, необходимый для поступления в вуз. Это одно говорит о том, что из-за каких-то обстоятельств не воспроизводится интеллект. А интеллект — это творец, производитель и созидатель. Не лошадь, не мускулы, не голый железный трактор. И когда из деревни малый отток студентов, то мал и приток ума. Мало уходят и приходят, мало сбиваются в компании и дружеские группы, мало перемещаются, мало празднуют, мало знакомятся, мало перекрещиваются и женятся, мало входит в семьи интеллигенция. Стало быть — Школа?! А тут еще вплетается одно, доселе мало замечаемое обстоятельство: горожанину в деревню некуда выезжать, негде там кормиться, негде ночевать. Нет гостиниц, вечером изволь возвращаться в город, хочешь не хочешь — а приходится. Горожанин лишен возможности насладиться сельским утром, сельской ночью, сельским морозцем, зимой. Лыжники еще устраиваются в старых хуторах и усадьбах, но скоро их не останется. И эта отчужденность может привести к совершенно непредвиденным последствиям: деревня «не пропагандирует» себя самым своим выигрышным: спокойным глубоким дыханием, здоровьем и красотой. Пока что деревня пытается привлечь горожан возможностью заработка. Но я думаю, что многих деревня удержала бы и звездами в тихом зимнем окне. Значит — строительство?!

Так мы беседовали с Дрипе.

«Город непрестанно отнимает у деревни людей. Ч а с т о это самые лучшие, работающие и инициативные. Мы уже знаем — отлив людей из деревни глобальный и неизбежный процесс...»

Где этот Дрипе наслушался таких катастрофических баек, будто процесс этот неизбежный? Может быть, и глобальный, но уж никак не неизбежный. Мы живем в стране нового планирования. Почему же мы заранее должны смиряться со стихийной неизбежностью мирового кризиса?

«Как их укоренить?»

«Но ведь эта молодежь продукт своей среды. И не только микросреды — семьи, но и своего поселка, своего колхоза...»

«Оказывается, надо воспитывать не простого молодого человека, а особенного, такого, чтобы был наделен особенно высоким чувством долга перед колхозом и его будущим...»

«Люди есть, и одновременно их нет. Люди не могут найти для себя настоящего места...»

«Но что делать, чтобы они хотели работать? Может быть, иначе, как-то толковее воспитывать молодежь — теперешних школьников и детсадовских малышей? Это уж определено. Но можем ли мы так долго ждать? Нельзя ли тем временем найти какой-то действенный прием, чтобы научить сохранять чувство ответственности и трудолюбие и у взрослых?...»

Дрипе все спрашивает и спрашивает. И все это надо рассмотреть, обсудить на разных уровнях. Мне пока что приходит на ум одно лишь определение — «землероб-сквозняк». Это не-крестьянин, человек, проходящий сквозь эту среду, пролетающий, и сам сквозной. И жизнь его сквозная. Что же это за дыры, в которые она проваливается и куда ежедневно и ежегодно утекают производительные силы? Хочешь не хочешь, мастер слова, а потрудись понять. Иначе и тебя не поймут. Надо понять, чтобы договориться.

А может быть, художник слова здесь пятое колесо? И публицист тоже? И Дрипе пятое колесо? Ведь, как бы то ни было, ездят только на четырех! На тех самых, что имеются в хозяйстве.

Да, но пятое колесо при хорошем техническом обслуживании — это колесо запасное! Значит, Дрипе и есть

эта самая запаска! И если есть Дрипе, значит, общественное обслуживание не столь уж безнадежное дело, поскольку есть и запасное колесо. Вы можете заменить им одно из четырех и испытать, как оно катится. Еще лучше, если пятое колесо есть под рукой, когда телега едет на трех.

Недавно в газете «Литература ун максла» шел разговор — «Современный человек в жизни и в искусстве». Самый серьезный разговор, какой был в латышской советской журналистике. С таким ощущением всего земного шара, как у Клотыня и Лилии Дзене. С таким простодушием, как у простачка Антыня¹, у Паула Путныня. Третий сын уже стал ученый (помните сказочку?). Каждый раз кто-то вздрагивает, когда Солнцецветик говорит: «Это не мое кольцо, это большое, оно спадает с пальца».

И в этот разговор входит интернациональное ощущение — впервые в нашем Союзе современный писатель перекликается с современным писателем — стыкуясь и творя общекультурное дело. Это уже не классика, это наш сегодняшний день. Сергей Залыгин и Ион Друце, Валентин Распутин и Чингиз Айтматов это и латышская реальность. Впервые реально осознанная. До сих пор лишь интернационально себя мыслили, но по этой дискуссии видно, что уже вошло в норму интернациональное действие.

Только бы не поздно было! Как бы только не запоздать с этим!

Я чувствую эту землю. Потому и пишу, что ощущаю ее. Нутром своим. Мне кажется, что и настоящий земледел так работает — все ощущает нутром.

Я ощущаю появление земледеля на свете. Он явился одновременно с сотворением тварей, в хорошей компании, в кругу живого. Связанный с семенами.

Меня спрашивают, почему я пишу о колхозах, о совхозах, о хозяйствовании, я — поэт. Не знаю, об этом ли я пишу. Я пишу о жизни, которая вокруг нас. Пишу о людях села, ведь они же мои и ваши сородичи. Я не хочу их оставлять. Потому и пишу. Когда пишу, я снова с ними. Тогда я вновь в том зеленом тумане, который зовут плодородием. И не говори мне, что урожаи низкие, план высокий, люди постарели и никакого плодородия нет. Есть плодородие и будет. Плодородие это свойство. Бо-

¹ Имеется в виду пьеса Я. Райниса «Золотой конь».

лее того — это принцип. Вечный принцип, который тем более дает о себе знать, когда о нем забывают. И плодородие есть и созидание есть. Когда люди завидуют, крадут, ненавидят, ты же не думаешь, что и любви тогда на земле нет. Земля и урожай, дети и осушительные каналы, шоферы и Дома культуры — проявления одного принципа. Даже если в этих людях и делах он проявлен слабо, сам принцип велик и могуч. И если где-то он ослаблен, то тем сильнее его надлежит проявить. В медицине есть прием: когда надо сфотографировать больное место где-то далеко в глубине тела, в кровь вводят красящее вещество. Оно показывает ширину кровеносных и прочих сосудов, недостаточную их проходимость. Снизилась пропускная способность плодородия земли и людей, но сам принцип есть, существует и проявляется в любой момент. Чем короче этот момент, тем ярче и проявляется. И больная печень еще не говорит о том, что на свете нет любви. Так что не дергайте меня все, кто знает только книжный свет и люстры в опере, и те, кто только и знает добывать, улаживать и обменивать в кружении беличьего колеса учреждений, контор и прилавка, и вы не дергайте, самоуверенные праведники от Большого Труда, — да никогда не иссякнет мощь промышленности и не погаснут мартеновские печи! Я отстраняюсь как от замороченного в азарте добывания и самообеспечения желчного современника, так и от сидящего в своем закутке предельно неотягощенного бюрократа, не дергайте меня! Я знаю, что делаю!

Мир бурлит и клокочет. Нехороший это огонь. Пенел не сыплется, но в непогоду идет дождь с перекрученных небес. Идет, идет и наконец растворяет все разбросанные за последние засушливые годы и нерастворившиеся минеральные удобрения. Хлеб сразу буйно — в рост! Но дождь все льет и льет, он уже не нужен, это уже не дождь, а полегший хлеб, это уже не дождь, а бедствие, это уже не дождь, а гибель! Хлеб полег, но с поля по канавам стекает обогащенная минеральными удобрениями вода, с удобрениями, вымытыми из земли, вода с похищенным плодородием. Она вливается в реку, рыба хиреет, берега зарастают, по берегам встают буйные джунгли.

А там идет год с хорошими озимыми, теплая осень без гололеда. Валит снег — сыплет и сыплет. Сплошные сугробы. Всю зиму валит снег на все живое. Весной рожь

задыхается. Озимую рожь приходится пересевать на яровую.

А летом опять светопреставление — град! И хлеб весь побит, и все небо будто бы побито, и планировщики сами как побитые — не знают, что предпринять, а крестьян не слушают. Те бы еще многое могли спасти, если бы не изоржавели и не развалились за эти годы в заброшенных сараюшках «маломощные» косы, вилы, плужки, стожарины, телеги, конская сбруя и конные грабли. В районах поумнее, где у руководителей немножко больше мужицкой крови, чем чиновничьей, урожай, план и честь хлебоборода стараются спасти, работая вручную, и кое-что спасают. В другом месте обмозгуют сообща, как-то приспособят комбайны — и тоже, глядишь, кум королю! А большинство в проигрыше — уверовали во всемогущество машины.

А тут и осень приспела: славная, добронравная. Все убрано. Все засеяно, даже больше, чем имеется машин для будущей уборки. А снега нет. Январь? Середина января? Нет — и все.

Ну, а если ударит мороз, то... Тогда... Да, что тогда станешь делать? В Художественном театре идет пьеса Райниса «Иосиф и его братья». А в ней говорится, что предсказанные Иосифом семь голодных лет вроде бы уже кончились.

Земля, миленький ты мой, не пропадет! Лишь бы землеробы сохранились. Не каждый, кто живет в деревне, крестьянин. Даже не каждый тракторист — крестьянин. Даже не каждый производитель сельскохозяйственного продукта — землероб. Производитель производит, производит — и вдруг в один прекрасный день больше не производит... Что случилось? Сырья у него не хватило. Сырья? Какого сырья? Ну, скажем, минеральных удобрений. Ну и что? Разве нельзя достать где-нибудь?

Может быть, и можно. Но вот тут-то сельскохозяйственный работник и понимает, что он уже не земледелец. Потому что у земледельца не бывает нехватки ни в чем. Он живет естественным оборотом. Земледелец это тот, — все равно, на комбайне, в конторе, в партбюро или в Сельхозакадемии учится, — кто понимает значение естественного оборота. Да нет, смысл! Задачу! А еще точнее — свою незаменимую роль в естественном обороте. Земледелец незаменим.

Когда вы это поймете, рожь как бы сама собой полезет. И корова молоко охотно будет давать.

Но где же такие земледельцы?

Мне сказали, что в Мадлиене. Такой человек там есть, с землей под ногами и с пониманием первопричин в го-лове — Юлий Белявник, директор совхоза «Мадлиена».

Председатели колхозов и директора совхозов это особая порода руководителей. Они уже последние, самые последние руководители в цепи руководителей. А с другой стороны, они самые, самые последние производители в цепи производителей, дальше уже идут одни руководи-тели.

Они вроде как люди, живущие на порубежье. А они должны быть сильными людьми. Потому что они не могут отчитываться, предъявляя одни бумаги и цифры, они хлеб должны давать, молоко, мясо — продукт! Они исполнители государственного плана, реализаторы. Они — альвеолы, которые превращают углекислый газ в кислород. Они требования превращают в действительность. И т. д. и т. д. А с другой стороны — они не могут отчитываться перед своими земледельцами тезисами, решениями, обеща-ниями, лекциями, приказами и дипломами. Они долж-ны заботиться — о конкретной жизни, об условиях жизни в каждом доме — чтобы каждый живой, конкретный че-ловек оставался здесь, а не уходил.

Это люди, которые живут между двумя большими тре-бованиями, между государственным большим требовани-ем и индивидуальным (не маленьким, а тоже большим!) требованием отдельного человека. Их работа протекает между двумя жерновами: так дается хлеб, закон, выпол-нение плана и демократия. И все должно быть одновре-менно. И все должно быть аккуратно. Потому что мы сразу волнуемся, возмущаемся, если всего этого нет и все это не сразу.

О наших творцах и художниках написаны прекрасные и умные книги. «Жизнь актера — чудесное пламя!» Она сгорает. И тогда приходит Лилия Дзене и закрепляет ее в документах, увековечивает жизнь Хария Лиепня, Альфреда Яунушана, Карла Себриса. Художники свое горение, свой золотой пепел закрепляют красками в кар-тинах, писатели сами себя сжигают в книгах. Компози-торы оставляют вечности свое горение — ноты и диско-памятные пластинки. А тут еще приходит Янис Петерс, и его книга о Раймонде Паулсе в один вечер 1982 года

становится национальным подарком всем умеющим читать и неумеющим.

Кинодокументалисты тоже больше любят артистов. Лайма Жургина и Рута Урбасте до тех пор дежурили за кулисами Большого театра в Москве, пока не «заполучили» Мариса Лиепу, и он остался в вечном полете на серебре киноленты. Сейчас вот одна режиссерша столь же неотступно следует за Имантом Калнынем. Юрис Подниек братьев-певцов Кокаров до такой степени лишил гравитации, что дух захватывает: это надо же, сколь легко песня движет тяжелую жизнь!

А ведь ленты — они из серебра, из настоящего валютного серебра, и нельзя же всех увековечивать в серебре, серебро дорогое. Хотя серебра заслужили не только «пахари от песни» Кокары, «пахарь от подмостков «Яунушан», «пахарь от кисти» Скулме.

Есть же в конце концов и настоящие «пахари от сохи», вернее будет сказать: «художники от земли», их право на признание в серебре доказать труднее, но это делают. Это делают киномастера трудной темы — Фрейманис, Эпнер, Франк, Селецкий. Порой мне кажется, что и я в себе чувствую какую-то дивную ноту. Исходящую от вынашивания, плодородия. Звучат деды-прадеды. Во мне звучат. И тогда уже понять людей села легче.

Очень хочется найти верный тон. Вот в газете выступает комбайнер из Вийциема Янис Циекур:

«Да, на диспетчеров вроде нигде не учат... А надо бы. Это очень интеллигентная профессия.

Для человека, который весь день просидел за рулем трактора или проработал на ферме, не все равно, каким тоном разговаривает распределитель работ. Повелительный ли это тон или благожелательный, жеманный или просто безразличный. Это же влияет на ход работы. И когда иной раз подобная «мелочь» испортит тебе настроение, лезет в голову такая «еретическая» мысль: раньше в Вийциемском совхозе не было ни рации, ни диспетчера, а работа шла лучше, и «Вийцием» в районе был на первом месте».

Сельскохозяйственный рабочий требует интеллигентности. От того же диспетчера, от райкома, от министерства.

И от писателя требует. Верного тона.

Но может ли вообще писатель найти в публицистике «верный тон», который, вероятно, хотел бы обнаружить

в этой книге комбайнер Циекур? В ту ли щель я сую свой нос?

В газете «Литература ун максла» в ходе дискуссии Паулу Путныню уже указали на подобные поползновения: дескать, занимайтесь-ка своим творческим делом.

«Как бы гражданственны ни были намерения объяснить экономику с помощью искусства,— если оно не выполняет свои специфические функции, могут возникнуть дополнительные сложности и не менее серьезные потери, чем и при неразрешенных народнохозяйственных проблемах».

Вот и Янис Циекур о том же самом:

«Я охотно подскажу тот или иной «ход», охотно растолкую, как лучше справиться с работой, но я не думаю, что в мои обязанности входит вечно «латать» чьи-то прорехи. Все-таки каждый должен делать свое дело. Ведь иначе кому-то придется штопать прорехи, которые оставил я...»

А Габриэль Гарсиа Маркес, величайший на своем континенте романист, дает интервью итальянскому журналисту:

«Вообще мы, писатели Латинской Америки и стран Карибского моря, должны положить руку на сердце признать, что реальная действительность писательница поталантливее нас.

Наш удел и, возможно, наша почетная задача в том, чтобы копировать ее, проявляя как можно больше скромности и старания».

Я понимаю, о чем он говорит. Беллетристическая реконструкция действительности это удобное укрытие, куда убегают от реальности. Я не говорю «от действительности». Действительность есть и в беллетристике, в рассказе, в романе, но это часто «запасная действительность», «запасной выход из положения». Надо писать прямо, непосредственно, чтобы как можно меньше был зазор! Современности недостает способности самодокументироваться, хроникальности. А для хроникальности необходимо самосознание. Так что надо самоосознаваться!

Я ощущаю, ощущаю, ощущаю эту землю. Я ощущаю эту землю, я ощущаю эту землю. И надо писать сейчас же, пока она не перестала мною ощущаться.

Но надо входить в нее, входить туда, где самый центр с его солнечным сплетением, а я боюсь этого вот уже второй год. Войти туда, где директор своим «да» и «нет»

решает, приказывает во имя правды, я боюсь, теряюсь, опасуюсь.

Я уже два года хожу вокруг да около, описывая все более и более тесные круги.

И ищу начала.

Поверх ольшаника

Я много раз ездил в эти места. Никакие виды Тянь-Шаня и Кавказа не заменят мне этих поездок по незнакомым проселкам латвийской деревни.

Талой воды еще по пояс. А весна уже — словно огромный дуб посреди серой прошлогодней травы! Первые куриные радости, когда уже можно выскочить на двор и порыться в земле, первые мухи на свежерасколотом березовом полене. Самая пора — дровами залюбуешься. Краски, и запахи, и ритмы — от этих полениц. Оранжевые тона ольхи и сочная белизна бересты. Дровяные грядки, поленичная кладка, половинки и четвертинки, полешки и дровишки, и под стрехой, и под навесом. Прикладное искусство!

Так просто, абы как, не люблю складывать. Если не красиво, мне и работать неохота, говорит Доминик в усадьбе Леясбитены на берегу озера Инесис.

Второе апреля, дело к вечеру. Солнце еще на небе, но поля тихие, селения тихие. Машины все уже поставили. Мастерские пустые, диспетчерский пункт пустой. Что все делают? Что же делают крестьяне, почему их не видно? Полевые работы еще не начались, и подле дома не поработаешь — сыро. Доярки и детский сад уже спать отправились. А остальные что делают? На асфальте дороги кучки навоза, здесь проехали тракторы с первыми весенними ароматами. Какая сейчас пора? Прошлогодней травы и соков. Вербных пуховочек. Побеленных яблонек. Внешне неприглядная пора. Если хотите узнать, красиво ли селение, смотрите весной, когда только снег стаял: если и тогда оно красивое, значит, такое и есть.

Вдруг какое-то хозяйство — грейдерная дорога! Нигде не было, а здесь есть. И я, проезжая, представил, что сам

еду на грейдере. Веду грейдер по неровной весне. Чтобы почувствовать порядок! Почувствовать работу грейдера, почувствовать радость, почувствовать радость грейдера и маршировать это ощущение порядка...

Новый поселок, совершенно новенький и такой нелепый по весне! Вокруг сборных домиков, которые делают в Ливанах, разрыта земля, линия электрических столбов прямо на переднем плане — зачем? Улица неприбранный, деревья ободранные, пораненные, покалеченные. Каждый убирает, весьма приблизительно, свой обозначенный участок, а уж дальше — ни-ни! А сразу за двором вывороченное трактором дерево, какие-то пни... Вот тут! Прямо на глазах.

Двускатные крыши выглядят красиво. Жить под плоскими крышами, наверное, все же не то, что под скошенными. Плоская, она вообще вроде не «крыша». Ведь где слово «юмтс» (крыша), там на памяти и древнее божество Юмис, которое в родстве с двуликим Янусом, — то есть обе стороны скошенные.

Вот и июль, именины Анны (26 июля). Проселки в Малпилсе, Кастрани и Кейпене утонули в купуре, а он, когда цветет, так красиво наступает на дорогу (обочины почитай что уже и не выкашивают). Зеленый скошенной люцерны, зеленый болотной таволги, буроватая зелень молодой пшеницы и валков тимopheевки, зацветшая зелень картошки, привядшая зелень скошенного сена и поздняя зелень березовых рощ, ближняя зелень и отдаленная зелень; скошенная — нет, ты погляди-ка! — зелень на обочине; зелень выщипанного луга, срубленных березок и свежая зелень опиленных липок; зелень дальнего кустарника; зелень ряски на пруду, а тут еще зелень ржи на ветру, вечернего туманца и заходящего солнца. Всепогодная, не набравшая силу, самая разнообразная.

И вдруг — серая рожа, серая-серая, порой как астматик с сердечной недостаточностью, с серым лицом, а порой как доброе видземское домотканое сукно колышется, хорошо ему дышится — экое крепкое сердце!

И еще — у привязанных коров, у частных, вымя куда больше. Самая пора лисичек, на обочине лежит шапка, полная лисичек, полная сумка, полный платок лисичек. И газик зоотехника.

Пора малины, в ольшанике проблескивают «Жигули», сверкают вымытые банки у колодца, двери в доме нараспашку, на кухне жарко.